

СОЛОВЕЦКИЕ ЗАПИСИ,

сделанные частично на Соловках, частично сразу по освобождении и зашифрованные в отдельной тетради, которую я не рещился продолжать. Первая тетрадь была вывезена с Соловков моими родителями, приехавшими ко мне на свидание. (Первые страницы этой тетради вырваны, чтобы не подвести упомянутых там лиц.)

Предварительные объяснения

В дореволюционные времена, а частично еще и до середины 20-х годов, во всех учебных заведениях существовало множество литературных, философских, философско-религиозных, краеведческих и прочих кружков, собиравшихся в помещениях школ, институтов, университета или если позволяли квартирные условия, то и у преподавателей.

На Церковной улице (теперь улица Блохина), на пятом этаже в мансарде собирался кружок Ивана Михайловича Андреевского, носивший полусерьезное название «Хельфернак», то есть «Художественно-литературно-философско-религиозно-научная академия». Туда приходили школьники, и студенты, и профессора университета. Когда я кончил школу (это был 1923 год), Хельфернак перестал собираться, большая книга, в которую заносились темы докладов, фамилии докладчиков и всех присутствующих, была завернута в kleenку и закопана на Крестовском острове Колей Гурьевым. Потом делались попытки возродить кружок (уж слишком русская интеллигенция любила собираться, рассуждать и спорить). Два или три собрания прошли под названием «Братство Серафима Саровского», но на этом дело и кончилось.

Несколько студентов Института гражданских инженеров (В. Т. Раков, Н. Е. Сперанский, А. В. Селиванов, А. С. Тереховко), университета (Я. А. Миханьков, Д. П. Каллистов, П. П. Машков, Э. К. Розенберг) стали все же собираться то в комнате у Э. К. Розенberга, то в квартире у П. П. Машкова и дали себе самоназвание «Космическая Академия наук». Собрания устраивались раз в неделю. Слушались различные шу-

точные доклады. Каждый из участников старался перешеголять других в экстравагантности своих докладов, выступлений и точек зрения. Прочел и я доклад о старой орфографии, где «доказывал» (полушуткой, полу серьезно) наличие в старой орфографии некоторых ценностей.

В 1928 году ОГПУ приступило к ликвидации различного рода кружков. Все «академики» были арестованы. Среди них 8 февраля был арестован и я.~

Нас, различных кружковцев, объединили в одно дело (многие из нас не были даже знакомы друг с другом), а через 9 месяцев из нас «родили» однодельцев и по статье 58 пункт II отправили на Соловки со сроками 5 и 3 года.

Этапную партию собрали большую. На Октябрьский вокзал провожать нас пришла огромная толпа родных и знакомых (люди тогда еще не были так запуганы). Конвой, размахивая шашками, грубо, с бранью отгонял людей. Нас заперли в столяпинские вагоны и повезли. Конвой, дотоле грубый и жестокий, в пути вел себя довольно сдержанно. Даже оправдывался: «Ваших собралось много, а нас мало».

Через три дня мы прибыли в Кемь, и конвой снова стал груб — еще грубее прежнего.

...У меня сохранились малопонятные для непосвященных записи, которые я здесь расшифровываю. Круглые скобки — те, что и у меня в тексте. Угловые скобки — это для расшифровываемого текста и для необходимых пояснений. Если что-нибудь осталось неразобранным, забылось, я пишу в угловых скобках: [неразобр.] Сначала идут записи, сделанные вскоре на Соловках, потом — различные добавления.

В этих записях публикуется все как есть. Этот документ мне дорог таким, какой он есть.

Первые страницы тетради вырваны

Утро с неожиданным осв[ещением] от снега. Такое бодрое — точно новая страница романа. «Давай выходи» [это крик конвоиров на станции Кемь, в самом конце октября — начале ноября 1928 г.].

Не успел помыться (вагон был столяпинский, купе на 6 человек с решеткой в коридор, по которому ходил

и присматривал за нами конвой, но куда выпускали мыться и пр.; в купе я, Авенир Петрович Обновленский, Петр Павлович Машков, Толя Тереховко, Федя Розенберг. Кажется, Андреевский в другом купе с Д. П. Ка-листовым, Аркашой Селивановым, Колей Сперанским...).

Говорят: «Не торопись» (это нам кто-то подал совет). Думал — «Действительно! Ведь приехали».

«Ямщик, не гони лошадей!» — посмеялся над пошлыми остротами (в ДПЗ на Шпалерной — мы смеялись над натужными желаниями заключенных пошутить).

Вышел не первым.

Поразила беготня (конвоя около вагонов; конвой «нервничал», изображая «строгость»).

Истошные крики конвоя.

Принимал новый [конвой — лагерный].

По талой грязи [мы] бегали в русских сапогах (не привычное ощущение — я надел хорошие русские сапоги с «поднарядом» только перед отправлением в этап в ДПЗ).

Конвоир столкнул корзину [с площадки вагона] прямо в нос. Высокий вагон (родители подготовили мне превосходную дорожную легкую корзину с замком висячим на пруте. И с ручками. Изнутри ее обшили kleenкой, чтобы не промокла. Когда я вышел из вагона на пути, конвоир, торопя меня, столкнул корзину мне в лицо, и из носа у меня потекла кровь).

Приложил снег [к носу], и появилось сознание: «надо торопиться», «спешить». [Беспокойство:] «Что с остальными вещами?»

Ветер, снег, низкие строения [Кемперпункта].

Солнце то пропадает, то выскакивает из-за быстро бегущих туч. Ив[ан] М[ихайлович] Андреевский] заступился. [Конвоир кричит:] «Назад — тебе что?» (самому захотелось по морде?).

[Иван Михайлович:] «Я врач» (но чувствовалось, что он очень испугался истерики конвоира).

Команда: «По пять в ряд».

Воз [для вещей на весь этап один]. «Кто мало [имеет вещей], тот неси!» [Это крик конвоиров.]

Пошли. Дорога у воды.

Странная страна — нет земли. Камень и щепки.

Иван Михайлович впереди, И[горь] Е[вгеньевич] [Аничков] тоже впереди — спокойный (он всегда сохранил изумительное спокойствие). П[етр] П[авлович] Машков, не устроившийся с вещами, со страданием в глазах.

А[натолий] Сем[енович] [Тереховко], пытающийся улыбаться и острить (вспомнил: [надо соблюдать] «чувство юмора», как при отъезде из ДПЗ, когда мы обещали хранить заповеди КАНа) [Космической Академии наук, за участие в которой нас приговорило ОГПУ к пяти и трем годам], [а заповедь заключалась в том, чтобы всегда сохранять чувство юмора и по возможности превращать жизнь в игру].

Поразил ландшафт: огромный, огромное серое небо, свинцовые тучи, ветер, холод.

Казалось: природа неизмеримо сильнее человека.

Мистика, аскетизм. Глядя на такое небо, хотелось сгореть, как старообрядцы («антихрист» [овладел миром]).

Щелкают затворы [у винтовок конвоиров — чтобы пугать]. Хриплые голоса: «На нервах играете?!» Это так подгоняли.

Хлопают шинели о голенища сапог [у конвоиров].

То бегут, то поджидают отставших.

Все время почти бегом.

Грязь. (Мысль: только бы поспеть.) Молитва (в уме, успокаивает).

Ворота у проволоки Кемского пересыльного лагеря]. Пересчет [неразобр. шесть букв].

[Крик конвоиров:] «Давай по пяти» [т. е. «стройся по пять в ряд»].

Вошли в ворота пересылки.

Огромный камень — остров [это о Кемперпункте].

Низкие дома [бараки] — загнанные, как и люди, в кучу. (За проволокой оказалось много заключенных — целая толпа между бараками.) Жалкая и развязная манера привыкших и обжившихся людей [заключенных].

Некоторое любопытство и гордость со стороны «местных»: «и мы то же прошли».

Вывели дальше [очевидно, на свободное место за бараки].

«Принимает» [этап] Белобородов и еще кто-то с ним.

[Белобородов], пошатываясь [скоро праздник], т. е. пьяный, на нем чекистская шинель, длинная до невозможности, фуражка с широким дном и козырьком, [окольш, воротники обшлага у шинели черные — такова форма лагерной охраны из заключенных]. Здесь вам не то и не то. [Помню как сейчас: «Здесь власть не советская, а соловецкая. Сюда нога прокурора не ступала» и пр.] Здесь Л...н! [*не разобрал*]. То отступает [от строя стоящих], то наступает, точно желая раздавить, чувствуя свою огромность перед мизерностью стоящих перед ним [типичный садист; такой же был и другой, принимавший этапы,— б. гвардейский офицер Курилко].

«Письма писать так: «Жив, здоров, всем доволен».

И еще: «Скажу встать — встанешь! Скажу лечь — ляжешь. И х... скажешь», — далее трехэтажная брань — все в рифму.

Тон гвардии поручика. Картавил, с Курилкой говорил по-французски; это остатки белогвардейцев, сидевших еще в Пертоминском лагере.

Бег по кругу. Истошный вопль Белобородова: «Ножки выше!»

Вещи в куче.

«Урки, подними руки!»

«Сопли у мертвцов сосать заставлю».

А мне хочется смеяться: так все неправдоподобно.

[Белобородов на меня с угрозой:] «Смеяться потом будем!»

Я стал в первой шеренге — любопытство.

И[горь] Ев[геньевич] спрятался [в задних рядах]. Расчет [т. е. команда рассчитаться].

Здороваются с этапом и учит отвечать громче «Здра!» (это мы кричим, а Курилка на нас: «Не слышу, не слышу, не слышу. В Соловках слышно должно быть! 200 человек кричат — стены рушиться должны». И жест на стоящий дом.

Столбы для физкультуры — как виселицы.

И снова гнетущее тоской, тучами, простором и невыносимым равнодушием небо.

Вещи в куче. Хочется есть. Достал печенье из кармана.

на [романовского полушибка, который мне купили родители], поделился с другими.

Думалось: в таком положении только взаимное сочувствие. И действительно, страшный толчок бросил нас одного к другому [хотя еще в ДПЗ у нас начались разногласия].

Возили талый снег на саночках. [Повезло, что возили снег. Впоследствии мне рассказывал мальчик, поэт Смельский, в 7-й роте на Соловках:]

[Рассказ Смельского о том, как они] катали [смерзшиеся] трупы по рельсам с визгом, и веселились, и сбрасывали [трупы] в ямы: ящик [с трупами] хорошо скользит [по рельсам]. В яме вода. Инженер, засунутый под матрац [?] Камешки. [Что эта запись значит — не помню. Очевидно, какая-то страшная подробность.]

Женская рота в Кемперпункте.

Двойные рамы. Лица, прилипшие к стеклу. Лица — с расплющенными носами (очевидно, высматривали в нашем этапе возможных знакомых и родных: женщин из бараков не выпускали).

Убежав от работы, бывшей очень тяжелой, только потому, что устали, бродили в поисках кооператива [немного денег было, хотелось есть].

«Улица», запруженная нечистотами — стоки.

Серые, развязно шмыгающие фигуры заключенных.

Я в полушибке романовском, [студенческая] фуражка (нарочно) [я решил надеть синюю университетскую фуражку, чтобы не принимали за урку], и в сапогах (к которым еще не привык). И[горь] Е[вгеньевич] в сером коротком пальто (перешитом, очевидно, из офицерской шинели).

Иван Михайлович Андреевский и Авенир Петрович Обновленский — в полушибках.

Анатолий Семенович Тереховко в сером пальто, сшитом из кусков.

Ф[едор] К[арлович] Розенберг в сером, но хуже, чем у И[горя] Е[вгеньевича] Аничкова полупальто.

С нами [в вагонзаке] ехала [симпатичная] Мария Казимировна, но ее мы [больше] не видели, лишь мельком в 3-й роте жен[ской].

П[етр] П[авлович] Машков был в шляпе серой с полями.

Вора [домушника Овчинникова] [он ехал с нами

в вагоне], как потом узнали, забрали в карцер. Он три раза бежал. Нижняя отвислая губа, рассказывал [в вагоне] про Секирку. Думал принести ему передачу в карцер.

Потом я его встретил страшно худым в соловецком лазарете. [В лазарет он попал избитый конвоирами.]

Кооператив оказался закрытым.

Вернулись. Мы еще сохраняли любопытство, и оно-то и спасло после однообразия ДПЗ [Дома предварительного заключения на Шпалерной — теперь улице Воинова].

Оказалось, наши в помещении театра на медосмотре [для определения группы физической трудоспособности]. Театр — мрачный сарай: такой, чтобы веселиться в этом мрачном месте, и не ином!

Пусто, холодно, сырь.

Стояли в очереди к врачам.

Два врача — молодые женщины, и врач мужчина.

К интеллигентам относились с тайным сочувствием.

Спрашивали [кто-то] о профессии. Почему-то сказал: «библиотекарь», а врачам — «педагог».

Заглядывал в категорию [т. е. пытался увидеть, какую категорию трудоспособности мне поставили].

И[горы] Е[вгеньевич] заглянул: 2-я на 3 месяца — это мне [значит, мог работать физически].

Потом оказалось не то.

И[вану] М[ихайловичу] [Андреевскому] дали 3-ю, тоже и И[горю] Е[вгеньевичу].

Было неловко снимать рубашку [носил золотой крест; врачи не обратили внимания].

Вышел на улицу — хотелось есть. Солнце скользило к горизонту.

Пошел к вещам, но не пустили.

Стали собирать. Сделали перекличку. Одного нехватило.

Кричали на нас, топали ногами [уже в темноте].

Оказалось, [отсутствовал] Овчинников, вор — староста. Он сидел в карцере: его опознали как беглеца и страшно избили (а конвою нашему не сообщили, они-то и не могли досчитаться одного).

В конце концов заорали: «Бери вещи!»

По одному подходили к куче и тащили. Многие не

могли найти своих вещей под грудами мешков и чемоданов.

Снова строились, но по 10 в ряд.

Пересчитывались [много раз]. Проходили в ворота.

Командовали уркам [тем, что без вещей] брать наши вещи. Я помню, что что-то отдал урке в одном белье и обещал ему заплатить полтинник.

Истошный крик [караула]: «На нервах играете!» [это что мы недостаточно быстро идем]. Шли почти бегом.

Крики конвоя: «Шаг вправо, шаг влево буду рассматривать как побег! В партии отставших нет! Стреляю без предупреждения! При команде «ложись» — все как один!»

Незаметно в темноте, в первом беге, урки сбрасывали корзины в канавы.

Чувствовал, что сил нет (ведь 9 месяцев тюрьмы, без движения, в страшной духоте оказывались).

Корзину мою все же нес урка, которому обещал полтинник.

Отчаянный холод.

Снова та же дорога, мост и карантин [на Поповом острове; теперь «Остров трудящихся»].

[Встречают:] «Здравствуй, 1-я карантинная рота!»

Пересчет и укладка на нары.

Комвзвод и взводный брали [заключенного] за руки и ноги и втискивали на нары по одному (как кильки в банке; только на боку).

[Мы не стали «укладываться».]

Темнота, еле видны ворота конюшни (где для этапов устроены нары) и узкие, точно прищуренные, два окна.

Стояли часов 5, смыкая ряды (от холода). Урки плясали (от холода в белье, тем, у кого не было одежды, выдавали только белье). Мигали маяки, и не мигала Секирка.

Северо-восток ближе к космосу. Там, в этом углу Европы—Азии, рождается погода, [находятся] метеорологические станции, [происходят] подвижки льда. Космический холод — форпост человечества. Звезды кажутся ближе, и завесы северных сияний чуть приоткрываются над тайной создания, чтобы вселить в души лю-

дей смертельный холод, пустоту и ужас перед громадностью мироздания.

Часовой в длинной шинели и валенках неслышными быстрыми шагами взад и вперед ходил за проволокой, точно маятник невидимых часов, точно поршень огромной машины. Не ветер, а целый ураган свистал в наших ушах, холодный, обледенелый, и раздувал полы моего полушибка.

Мороз становился крепче, талый снег обледенел, все быстрее ходил часовой, все быстрее шла таинственная машина — только звезды над головой.

Путеводные?

В утреннем полусвете стал виден мол, и оттуда, где должен был быть Остров, шел пароход — «Глеб Бокий» (я позднее узнал [его название]).

Нас втиснули в роту. Сесть негде. Втащил вещи и впихнул под нары. Потом долго искал — я знал, что вещи — это последнее, что связывало с домом (в тот момент это было главное — ощущать заботу родителей).

Сесть негде. Все освещается одной тусклой лампой. Удушливый запах. Голове жарко, а ноги в [неразб.] холоде. [Командиры из заключенных] хлестали шпану на вторых [верхних] нарах по ногам ремнями за пропавший чайник. (Наконец чайник взлетел над головами, и бить шпану по голым ногам перестали.) Толстый взводный поляк [из заключенных] оскорблял Андрюху [Миханькова], требовал уйти с прохода (куда? стояли плечом к плечу) и извинялся потом перед И[ваном] М[ихайловичем] Андреевским: «Нас мало — их [шпаны] много. Вы должны быть на нашей стороне».

Клопы ползли (на спящих на нарах) сплошной стенной. О[тец] Александр и кубанец [помню его: красавец в черкеске], мулла (занявшие два места) на одних нарах по очереди давали [нам] отдохнуть (кубанец-кабардинец только охранял нас, лежащих, от шпаны; уступали нам места — мулла и священник Александр).

Брали [из барака] на работу по очереди всех, кто стоял ближе (до дальних нельзя было добраться). Шпана плевала в нас и бросала вши, стреляла вшами щелчками.

Ночью, [на следующую ночь] при лампах [разумеется, керосиновых — «летучая мышь»] вся наша компа-

ния переписывала татуировки [«наколки»] на штане на карточки [как приметы]. [Невольно у нас] появился начальственный тон (у И[вана] М[ихайловича Андреевского]). Итак, мы сразу стали на сторону меньшинства (как требовал от нас взводный поляк). Полез переписывать татуировки поэт Ярославский. Ярославский стал что-то шептать на ухо [взводному]. [Взводный грозно стукнул по столу кулаком и сказал:] «Был тайным — станешь явным».

Получил чечевицу в кружку (родители дали мне с собой по совету опытных людей большую алюминиевую кружку — очень важный совет). Чечевица показалась вкусной. Долго [потом] чай отдавал чечевицей. Кружку носил в [большом] кармане полушубка. Нужник — на улице. Обледенелая высокая параша за перегородкой и свистящий ветер. Параша железная.

Вынося, один (помню — инженер) вылил ее на себя (выносили двое на шесте, продетом через ушки, передний упал, и на него вылилось все содержимое). [Инженер] поскользнулся с горы и обледенел, пока добирался до барака. (В барак его не пускали. Умер — замерз.)

Ма[рию] Казим[ировну] увели... Мы знали: [жених-поляк].

Познакомился с кабардинцами. Слегка хромой Хаз Булат Алюаксилович. Другой — румянощекий красавец. Были и другие — спокойные, красивые, в полушубках и бараньих шапках.

Союз русских с кабардинцами.

Дм[итрий] Павл[ович] Калистов в синем ватнике.

Ходили в ларек на гору — купил мыло в жел[езной] коробке [своего не достать] с пионером [изображение на коробке] и клюквенный экстракт [пить чай].

Были нервно веселы и часто поглядывали в сторону Острова: кто из нас поедет (с пятилетними сроками отправляли на Остров, с трехлетними оставляли в Кеми). Знали, что едут пятилетники. Ав[енир] Петр[ович Обновленский], Арк[аша Селиванов] и Ник[олай] Евг[еньевич Сперанский] боялись остаться одни — без нас: так и случилось.

Разговоры с китайским врачом [травником]: в широком пальто-клеш, шляпе и ботинках (он был богач, но поехал — как взяли). Оказался православный, «са-

мый знаменитый человек Сибири» (так сказали о нем знающие люди).

Мулла-кабардинец и отец Александр трогательно дружили. Давали нам отдыхать на нарах. Чай на нарах — у входа направо (там, где кабардинцы отстаивали места на нарах для муллы и священника). Большая седая борода (сейчас не помню у кого: вероятнее всего, у муллы; о. Александр не имел особенно большой бороды).

Ив[ан] Мих[айлович] про всех нас говорил: «мои ученики». То же [сказал] китайцу. Это обижало тех из нас, кто учениками Ивана Михайловича Андреевского не были, но Иван Михайлович любил прихвастинуть. О. Александр направил к о. Ник[олаю] [Пискановскому] и владыке вятскому Виктору Островидову (сказал, что они на Соловках и вас устроят, что и оправдалось).

Снова били людей по пяткам (лежавших на коротких нарах). Ставили [«провинившихся»] на камни (без одежды на ветру). «Провинившиеся», прятавшиеся от работы, бегали вокруг столба [и должны были кричать:] «Я филон, работать не хочу и другим мешаю» (так кричать приказывали беспрерывно до потери голоса).

Наорали на Миханькова и Ив[ана] Мих[айловича], сказали [взводные]: «Мы ведь тоже люди».

Утром собирали партию [заключенных для отправки на Соловки]. Эту ночь спал на корточках несколько времени.

Надел валенки с калошами. Дуло (по ногам; внизу мороз, вверху жарко).

Кричали несколько часов. Вы кликнули всех, кроме Обнов[ленского], Спер[анского] и Арк[аши Селиванова]: это все трехлетники.

Покричали и пошли с кабардинцами.

Утром прояснило. Перед тем мы грузили вагонетку. Сошла с рельс. Грозили карцером, но вызвали [на этап] и тем спаслись от карцера.

Чемодан [корзину в форме чемодана] нанял нести. Все время следил, чтобы не выкинул и не украл шпаненок.

Тихое солнечное морозное утро.

«Глеб Бокий» стоял под парами (монастырский пароход [«Соловецкий»]).

Спихивали [заключенных] по очереди в трюм. Ругались.

Привели из карцера вора Овчинникова, где его били.

Овчинников ухватил нас и, не дав спуститься вниз, поволок нас на площадку под лестницу [под трап в трюм].

Долго стояли. Наверх [на палубу] погрузили женщин [Марию Казимировну] и «свиданцев»-женщин.

Когда выпускали наверх (подышать воздухом, те, что оставались в трюме, задыхались, и многие умерли), я выходил в студенческой фуражке поверх вязаного шлема, который у нас в семье сохранялся еще с первой мировой войны, и поглядывал на капитанский мостик, где стояла «свиданка», — «вот, мол, мы какие».

Море, камни. Скрывающийся берег материка. Навсегда ли? Пароход резал волны, ставил волну к борту, бил волну в брызги.

Появление Секирки: Овчинников указал.

Обморок с Иван[ом] Мих[айловичем] [Андреевским].

Появление монастырских стен. Остров казался страшно большим. Холод, пронизывающий ветер.

Овчинников указал Мошк[ову], когда к нему лезли в карман. Снова загнали в трюм.

Страшний шум от растираемого бортом тонкого льда у Острова.

[Стали выводить.] Погрузили вещи на возы. [Подумалось:] «Ага — лучше».

Кал[истов] и другие пошли к возам разгружать.

Повели в 13-ю роту. [Она помещалась в Троицком соборе рядом с Преображенским; уборная находилась в алтаре — нарочно; на поверку и разнарядку на работы выводили в помещения вокруг Преображенского собора.]

Некто в бар[ашковой] шапке пирожком, шарфе и роскошных валенках — белых, фетровых, принимал [этап].

Не знал [его] — может [быть, он] вольный. Заставлял громким голосом отвечать имя и отчество.

Поразил вход в монастырь через Никольские воро-

та — хотел снять шапку и перекреститься. Никогда до того не был в монастырях. Сергиево [под Ленинградом у Стрельны] не в счет. Второй этаж [тот, что на подклети собора]. Снова обыск. Нет сил, чтобы [заново] связать корзину.

Страшная жажда.

Едва держался на ногах.

Вещи за меня сложили. Узнал, что Мишкин [брата] ремень украли. [Очевидно, урки.]

Пошли в баню [за Кремлем, она и сейчас действует на Соловках]. Сдавали под 13 ротой вещи в дез[инфекционную] камеру. Боялся, что снимут все и заставят голых идти в баню.

В бане пробыли необыкновенно долго, не по ДПЗопски [там, на Шпалерной,— минут 10]. Пил холодную воду прямо из-под крана, стыли зубы. Носильные вещи все отняли в новую дезинфекцию. Голыми гнали по холодной лестнице. Яд страшной усталости не дал простудиться. Знаменитая Баня № 2 [Песня про нее]:

Много я страдала, много я видала
в бане номер два,—

на мотив «Шахты № 2»].

Я уже был во вшах.

Потом месяц я не видел бани. Погибал во вшах. В 13 роте [по возвращении из бани] встретил взводный-поляк, который, подозвав меня к себе, велел отобрать своих 7 человек. [Так как «своих» было больше], то отобрал не всех своих. Остальные были на меня в обиде. Не отобрал Калистова, Машкова, Андрюшу Миханькова.

Провел в свою камеру. [Дал взводному 1 рубль.]

Вышел пьяный Чернявский, был канун 7 ноября, и велел «всех назад».

Взводный подмигнул мне и велел подождать.

Это Овчинников научил взводному давать взятку. Научил слову «блат», [которое в те времена соверенно еще не было известно «на воле»].

А Иван Михайлович был первым моим учителем «туфте» и «системе Андреевского» на строительстве Филимоновской железной дороги [когда нас повезли в лес на какую-то стройку и мы должны были ломами

разбивать смерзшуюся землю, он показал нам, как слегка ударить ломом и потом делать вид, что взламываешь землю, раскачивая лом]. [«Система Андреевского» позволяла не очень утомляться. Но это было позднее, возвращаюсь к прерванному].

Первые разочарования в Андреевском: [хвастал тем, что мы его ученики, он «профессор» и пр.].

До 2 часов ночи держали в центральной церкви: переписывая специальности. Переписывал какой-то филолог. Я почему-то рекомендовал себя как палеографа. Спросил: не ученик ли я Соболевского. Снова я позвал к нему всех наших, и Анд[реевского] в том числе. Недуг Ив[ана] Мих[айловича] попасть в лекции, а он действительно был врачом-психиатром.

Предложение Ярославского [второй раз] стать антирелигиозным лектором и сексотовом [мне кажется, что Ярославский — был тот самый; он вскоре был освобожден].

Не мог есть: от усталости и воды, неумеренно выпитой в бане, распухло горло. Печенье не мог проглотить, было больно, не глоталось.

Я лег под окно за [взятку] 1 рубль. Тоже Ив[ан] М[ихайлович] и Толя [Тереховко], потом ушедший.

Утром проснулся бок о бок с о. Николаем Писк[ановским], которого рекомендовал нам в Кеми о. Александр. О[тец] Н[иколай] познакомил нас с владыкой Виктором [все эти церковные деятели были иосифлянами и не признавали сергианства] и был нашим духовным отцом все время до своего отъезда с Острова. Видел в этом [в утренней встрече с о. Николаем, который сидел на подоконнике и мирно штопал ряску, передав мне заряд необыкновенного спокойствия в первое же утро по прибытии на Соловки] чудо! [да так оно и было].

Рассказал ему [о. Николаю] — кто мы.

Иван Михайлович даже потом делал «сообщение» в 6-й роте [сторожевой, где были все священники-старики, и о. Николай в том числе] о своей поездке в Оптино.

Андреевский всех рекомендовал: «Мои ученики». Обида Толи [Тереховко на это: он никогда не бывал у Андреевского и не верил в Бога].

Появился и отец Александр. Потом он работал как

печник. Два шпиона [терлись около нас]: Веня и [в руко-
писи пропуск]. Но [о. Александр] устроил им рубашки,
кормил. Жалел Толю [хоть и атеист] — он «сирота».

Толя говорил: «Буду христианином, но не через
Андреевского, а через о. Александра».

О. Александр мирил Толю и Ив[ана] Мих[айлови-
ча]. О. Александр — украинец, учитель, «много у него
было деток». Чадолюбив и сладко, мило говорил окая,
[с украинским акцентом].

О. Александр и Ник[олай] оба не ходили на общие
работы, а были сторожами [как старики].

Потом меня переселили [в 12 роту], а Игорь Евенье-
вич устроился на моем месте у окна.

Утром происходил развод на работу в темноте при
фонарях «лет[учая] м[ышь]».

Чубаровец-нарядчик [было много разговоров по де-
лу о страшном изнасиловании в Чубаровском переулке
в Ленинграде] выкликал в партии людей, отправляе-
мых на физические работы. Были странные фамилии,
однообразно выкликавшиеся по утрам. [Запомнил:]
«Шараудинов». Казалось, сейчас крикнут: «Достоев-
ский Федор Михайлович!» Все обезличивалось, стира-
лось в страшных завываниях голоса нарядчика.

Часовое ожидание: кто куда попадает [на какую ра-
боту].

Помню пересчет в 13 роте. Последний кричал
в строю: «Сто восемьдесят второй, полный строй по
десяти» [т. е. в одной 13 роте было 1820 человек]. [По-
том стало больше, когда надстроили 3-й этаж нар]. Но
всех по списку нахватало, так как проигравшие с себя
в «стос» всю одежду голые урки прятались под нарами,
чтобы их не погнали голыми на работу на холод [было
и такое]. Бесконечные пересчеты, битье по лицам всех
подряд, мат.

А кругом плакаты: «Соловки не кар[ают], а исправ-
ляют». «Долой мат, блат и подхалимство».

Усталость утром. Куда деваться, если ночью вста-
нешь в уборную? Спящие смыкались [и лечь было неку-
да]. Я напирал И[горя] Е[вгеньевича] на столб [нары
держались на столбах]. Холодный воздух из окна.

Голая шпана [помещалась] в 8-м взводе. Мы [были]
в камере грузчиков. Кавказцы, лившие на нас чай [кипя-
ток]. Они были на верхних нарах, мы на нижних.

Вечная готовка [на печурках], ворованная картошка.
Страшные стены собора. И о. Ал[ександр] и о. Ник-
[олай], не ходившие в уборную в алтаре, [ходили в цен-
тральную уборную].

Умывались по утрам из кружки Игоря Евгеньевича.

Странно выглядел Петр Пав[лович], которому
остригли волосы [он один из нас носил на воле длинные
волосы].

Дмитрий Павлович, посещавший СОК [Соловецкое
общество краеведения]; оно было над Святыми [По-
жарными] воротами, где в надвратной Благовещенской
церкви помещался великолепный музей древнерусского
искусства из соловецких вещей; Дм[итрий] Павл[ович]
хотел там устроиться на работу [и рассказывал там,
что он сын Б. Дм. Грекова].

Толя [Тереховко], подаривший трубку взводному за
выкликание по утрам из строя и направл[ение] в роту
назад.

Мое посещение читальни. Читал там «Кр[асную]
веч[ернюю] газету» и переживал, вспоминая Петербург:
Дворянский мост в синие сумерки, когда только зажи-
гались огни, было необычайно красиво смотреть на
Дворцовую площадь. Получил от Елены Александровны
[Лопыревой] письмо. Думалось, навек обречен, ни-
когда не вернусь. Хотя мы уже тогда читали стихи
О. Мандельштама: «В Петербурге мы сойдемся сно-
ва»... [но не верилось].

Посещение Александра Ивановича Мельникова, де-
лопроизводителя Адмчасти, флагофицера А. Ф. Керен-
ского, выписавшего мне потом пропуск по всему острову — спасавшему мне здоровье дарованными им про-
гулками по воскресеньям. Письмо [жены Мельникова,
подруги моей матери] Ольги Дмитриевны мужу обо
мне. Обещание Мельникова устроить сторожем [самая
легкая работа]. Посещение мое Александра Артурови-
ча Пешковского [в канцелярской роте, чтобы уст-
роиться на канцелярскую работу]. [Пешковский —
родственник автора книги по русскому синтаксису;
Александр Артурович работал в криминологическом
кабинете у А. Н. Колосова.] В шубе [в камере канцеляр-
ской роты боялись, что я занесу вшей], не предложили
снять; в камере был Бакрушин и замечательный моло-

дой философ Бардыгин [купеческий сын]. Ироническое отношение Ивана Михайловича.

Встреча с Александром Ник[олаевичем] Кол[осовым]. [Эта встреча — относительно работы, по рекомендации владыки Виктора Островидова.] Разговор на скамейке [с частью наших, с Александром Николаевичем Колосовым, который сам в общую роту к нам не ходил].

Потом передавали: Алек[сандр] Ник[олаевич] был в восторге от Ив[ана] Мих[айловича] Анд[реевского].

Барская шуба и палочка Колосова [добавлю еще — великолепно расчесанная полуседая борода].

Встречался изредка, когда мы возили снег [устроить нас сразу на работу он не мог: мы должны были пройти срок «общих работ», какой это был срок — я сейчас не помню].

Седая борода, улыбка, стоял опершись на палочку самодельную, березовую. Закрывание глаз — симптом доктора Иванова-Смоленского [какой-то нервной болезни, кажется истерии]. Истерическая откровенность.

Спросил нас: есть ли научные труды?

Посещение [Вольной философской] ассоциации. Поездка в Ленинград. Возвращение и шоколад «Тип-топ» от Елены Ал[ександровны].

Устроить не обещал [очевидно, Колосов — нас].

Комната с надписью «Запасный выход» в Санчасти [что это за комната — помещался ли там кримкабинет А. Н. Колосова или комиссия, которая снова проверяла для установления категорий трудоспособности, — не знаю].

[Кажется, я начинаю понимать, о какой поездке в Ленинград шла речь в моем зашифрованном тексте выше: это заведующий музеем СОК, вольнонаемный Николай Николаевич Виноградов, перед закрытием навигации ездил в Ленинград, и он посещал Вольфилу, и он виделся с моими родителями, и он привез плитку шоколада «Тип-топ», и он не обещал нас принять на работу, о чем просил его владыка Виктор.]

Работы общие, на которых мы находились.

Филимоновская ветка [Соловецкой железной дороги: узкоколейка, привезенная с разобранной ж. д. — Новгород — Старая Русса].

Совал в нос освобождение от иезуита лекрома [Ми-

ханьков говорил с ним по-французски]. Лекпом — Станислав Казимирович или что-то вроде этого. Именно он давал нам справку: «Назначать только на легкую работу». [Как это ни странно, хорошо помню этого иезуита. Он знал латынь и поэтому попал в лекпомы 13-й роты. Разумеется, сочувствовал интеллигенции. Небольшого роста, с очень тонким и «хищным» профилем, тонкими губами. Кажется, узнал бы. Тогда на Соловках было много ксендзов, как и священников.]

На работы надо было долго идти. Мы рубили лес [шаг за шагом прокладывалась ветка до Филимоно-ва — теперь и этих строений в Филимоновом скиту нет — все заросло лесом, как мне говорили].

Солнце и снег, как в начале нового романа. Хотел так писать. Вспомнилось из «Обломова»: «Снег шел хлопьями и покрывал все!» Но в «Обломове» это был символический конец, а мне чувствовалось, что с нашим прибытием на Соловки все начинается заново.

Знакомство с Михайловским: борода [потом сбрил], папаха, болотные сапоги и тонкий голос. Партизан-эсер. Был на свободе при Советской власти только две недели и снова на 10 лет. Скверное сердце у него — «пересидел». Спокойно ко всем относился. Видно было сразу старых военных и тех, кто уже сидели, — спокойствие.

Надрывались восточные люди [из Средней Азии] в халатах. Не привыкли работать: у них работают женщины.

Вторично погнали — Филимоновская ветка. Копали по «системе Андреевского» [о ней смотри выше] — в очередь кирками и лопатами.

Поход в Лисий питомник [он помещался на острове в Глубокой губе]. Разговор по-английски с Игорем Евгеньевичем — удивлялся Федя Розенберг. Провалился Петя Машков на тонком льду. Заставляли по гнувшемуся льду таскать бревна. Лес — красота. Паром. Держались за канат. В Лисьем питомнике таскали кирпичи до изнеможения.

Объяснения Ив[ана] Мих[айловича]: Мы ведь все — 3-я категория трудоспособности. Неузнанный Серебряков [мать в Париже, но, кажется, не художница] подгонял. [Почему «неузнанный»?] [Впоследствии мы с ним подружились. На воле в Ленинграде. Он, укло-

няясь от переписи тридцатых годов, при которой надо было отвечать «веруешь ли в Бога» и верующих арестовывали,— уехал в Петрозаводск и пропал.]

Ели шоколад [еще из дома] во время работы. Вкус хлеба на морозе.

Возили чаще всего снег. Латинствующая, французящая и английствующая квадрига. Иг[орь] Ев[геньевич], Ив[ан] Мих[айлович], Миханьков—у потешного «завдворома» «дедки». Склонение [«завдвором», «завдворома», «завдворому» и пр.]—Иг[оря] Ев[геньевича]. Дружба с ним Иг[оря] Ев[геньевича]. «Я бы в прежнее время, да разве бы мог» и т. д.; [т. е. так «на равных» разговаривать с «завдвором», дружить с ним].

Игорю Евгеньевичу это очень нравилось.

Возили еще мусор и свиной навоз на свалку за жен-барак.

[До сих пор помню, как отвратительно пах свиной навоз, а потом так же точно пахло ото всех нас.] Разговоры о наследнике на русский престол. Калистов с Федей Розенбергом, копавшие могилки-канавы для тех, кто умрет зимой,— общие ямы в виде траншей.

Метение снега на катке [для вольнонаемных; это все считалось легким трудом].

Проф. Клейн, очень худой, сам себе готовивший в 14 роте, [вскоре умерший от рака], и антиквар, умерший от тифа... Свозили возы со снегом и около Кремля на огороде [вниз за Никольскую башню]. Снега стало много.

Забрали на этап Толю Тереховко и Петра Павловича [оба имели трехлетние сроки, и их отправляли на материк]. Прибежали к нам ночью прощаться. Бегал к А. И. Мельникову, чтобы не брали на этап. И не взяли [но, может быть, и потому, что срок у меня был 5 лет]. Ад—этап с Анзера на материк. В церкви голые совсем, [вещи забрали в камеру]. Ночью я вышел в уборную, и там рассказ про «этап на четвереньках» [это отправляли на материк] амнистированных нищих Москвы. (Выжил ли кто-нибудь из этих голых амнистированных стариков и старух?!)

Слухи про Кондостров, куда ссылали стукачей. И адмчасть, которая воевала со стукачами, отправляя их со всего острова.

Камера Мельникова и Виноградова [другая] в 6 ро-

те, где старики сторожа, но их помещение выше. Мельников пьяный встречал меня, держась за дверь. [Стал рабочим в Раскопочной комиссии, возглавляемой архитектором-реставратором Назимовым.]

Вместе с Назимовым [делали] обмеры в Головленковской башне, устанавливали «Мещериновский проход» [через который войско Мещериново ворвалось в Кремль]. Первое знакомство с Назимовым [очень полезное для меня, так как в процессе обмеров он любил рассказывать о псковской архитектуре]. Знакомство с Юлией Николаевной Данзас — [уральский] казак, «Дурова», «кавалерист девица». Рассказы о ней Иг[оря] Ев[геньевича], о ее войне с Распутиным, о ее эксцентричности. Сидела бухгалтершей.

Виноградов был в Ленинграде [моя догадка выше оправдалась], спрашивал у нее — «Нельзя ли устроиться?»

Читал книги с Иг[орем] Ев[геньевичем].

Проверки по субботам. «Стройся по буквам». До 4 утра. Шпана, мочащаяся на пол и забивающаяся между дверей, где потеплее, — они все голые, в одном белье. Битье палками, «дрынами».

Истошные крики.

Длинные ящики картотек.

Работа без выходных дней. Направление в Сельхоз вместо кого-то. Работа у кладовщика-толстовца с бородой.

Авантурист и сумасшедший Комчебек-Возняцкий. [Я направлен на «постоянную» работу к нему]. [Врал] рассказы про аэроплан и Москву, куда якобы его берут для разоблачения кого-то, про письма, которые он получает без цензуры, про камеру, где стоит рояль для него. «Эпизоотический отряд», чистейшая «туфта» [якобы эпидемия ящура у скота в Сельхозе]. Выписка муки за моей подписью [владыка Виктор сказал, чтобы я больше этого не делал].

Варение похлебки из муки для скота [помню: похлебку варить не умел, подгорела — это все в монастырской портомайне на берегу Святого озера, а через дорогу в хлевах скот ревет от голода, а Комчебек-Возняцкий не идет]. Говорили: ящур — нарочно его распространяют, нарочно.

Санитар-эстонец в шляпе [возмущался Комчебеком].

Градусники под хвосты коровам — я их сам ставил; температура, конечно, у коров выше, чем у человека; не признак нездоровья.

Владыка Виктор говорил о Комчебеке: магометанин и христианин, удрал из тюрьмы и читал доклады о международном положении. Командовал [по собственным словам Комчебека] эскадрильей.

Парикимахерская-каморка и сон там Клейна.

Перевод некоторых — Феди Розенберга и Володи Ракова в 12-ю роту. Вызовы на работу их в Сельхоз. Я же получил освобождение.

Взятки нарядчику [покупал хлеб] и Возняцкому.

Страшно боялся [очевидно, Комчебек — Возняцкого].

Хлев с коровами и фонари «летучая мышь».

Поставили печь с котлом в бывшей монастырской портомойне напротив.

Визит к владыке Виктору в 4-ю роту.

Знакомство с Бахрушиным и Михновским.

...Чему я научился на Соловках? Прежде всего я понял, что каждый человек — человек. Мне спасли жизнь «домушник» (квартирный вор) Овчинников, ехавший с нами на Соловки вторично (его возвращали из побега, который он героически совершил, чтобы увидеться вновь со своей «марухой»), и король всех урок на Соловках, бандит — Иван Яковлевич Комиссаров; с которым мы жили около года в одной камере.

...После тяжелых физических работ и сыпного тифа я работал сотрудником криминологического кабинета и организовывал трудовую колонию для подростков — разыскивал их по острову, спасал их от смерти, вел записи их рассказов о себе...

В остальное время я встречался с самыми разнообразными людьми — разных национальностей (был даже японский самурай), разного социального положения, разного образовательного уровня, разных профессий. Я оценил моральную стойкость людей старого

дворянского воспитания. Несколько лет я работал с людьми, многие из которых были очень талантливы. Общение с ними было для меня в высшей степени полезным. В начале ноября 1931 года меня вывезли на материк, и я стал работать на Беломорско-Балтийском канале, в одном из самых ответственных узлов всех работ — диспетчером на железной дороге. И снова люди и люди...

Из всей этой передряги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим другим людям, добро, полученное от самих солагерников, опыт всего виденного создали во мне какое-то очень глубоко залегшее во мне спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу.